

Не стук стучит во чистом поле,
 Не гром гремит во раздольице,
 Едет старый Илья Муромец...

— были указаны А. Смирновым еще в 1879 году.¹

Известную самостоятельность «Задонщина» проявляет и в выборе так называемых постоянных, народных эпитетов. Дон постоянно сопровождается эпитетом «быстрый», которого не встречаем в «Слове о полку Игореве» (там обычно — «синий»); не знает «Слово» и такого обычного в народной поэзии оборота, как «сырая земля», между тем как в списке «Задонщины» ГИМ № 3045, конца XV—начала XVI века, в жалобах разгромленных и бегущих татар читаем: «Уже нам... катун (жен, — А. Н.) своих не трепати, а трепати нам сырая земля». В ряде случаев отдельные символы и образы, встречающиеся и в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве», «Задонщина» использует по-своему, совершенно не так, как «Слово»; например, гуси и лебеди в ней — всегда символ врагов. Воинская символика «Задонщины» очень близка к былинной.

Мне кажется, что если бы собрать воедино все подобные приведенным здесь случаи самостоятельного, не «по Слову о полку Игореве», использования в «Задонщине» народнопоэтических средств, вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов этого памятника мог бы быть разрешен с достаточной достоверностью. Соответствующий материал частично уже собран и пути для его изучения намечены в нескольких из старых работ и в названных выше работах последних лет В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Ржиги. Осложняющим моментом будет, конечно, то, что не всегда легко, а порой, может быть, и не всегда возможно будет установить, какие именно особенности народнопоэтического стиля были уже в оригинале «Задонщины», принадлежат самому Софонии, а какие появились в процессе дальнейшей литературной жизни памятника, в его позднейших списках.

* * *

Что касается хронологического приурочения «Задонщины», то С. К. Шамбинаго и в своей монографии 1906 года и через 40 лет в статье, помещенной в «Истории русской литературы», издаваемой Академией Наук СССР,² отнес ее «к началу XV века». К этому же времени относил «Задонщину» и его рецензент — академик А. А. Шахматов.³ Такая датировка побудила общее признание и надолго утвердилась как в специальных работах, посвященных «Задонщине»,⁴ так и в общих курсах древней русской литературы.⁵

¹ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве, вып. II. Воронеж, 1879, стр. 164. Об этом см. также: В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 28.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 211.

³ Отчет о двенадцатом присуждении премий митр. Макария в 1907 г. СПб, 1910, стр. 149—150.

⁴ Например, В. П. Адрианова-Перетц в работе 1947 года «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» называет Софонию «автором начала XV в.» (стр. 138), а в работе 1948 года «Задонщина» (Труды ОДРЛ, VI, стр. 208) — «книжником XV в.»; здесь же о «Задонщине» говорится как о «повести XV в.» (стр. 208). Д. С. Лихачев в книге «Национальное самосознание древней Руси» и В. Ф. Ржига в работе «Слово Софония рязанца о Куликовской битве» совершенно не касаются вопроса о хронологии «Задонщины».

⁵ Ср. в различных изданиях учебника Н. К. Гудзия «История древней русской литературы»: «Задонщина» возникла «в начале XV в.» (изд. 2-е, 1941, стр. 228), «возникновение Задонщины следует относить к началу XV в., возможно даже к концу XIV» (изд. 3-е, 1945, стр. 237), «...к началу XV в., вернее даже к концу XIV» (изд. 4-е, 1950, стр. 218), «возникновение Задонщины следует отнести к концу XIV в.» (изд. 5-е, 1953, стр. 215). Никакой аргументации при изменении датировок нет.